

ПАМЯТЬ

Ф. С. Шурпин, художник

В конце шестидесятых довелось мне бывать на персональной выставке Федора Саввича Шурпина, устроенной в Смоленске. К тому времени был он широко известным живописцем, жил в столице. Но поражали его скромность и простота. В залах, где выставлены были картины, он появлялся не часто, стоял где-нибудь в стороне, прислушиваясь к тому, что говорили посетители, и заметно смущался, когда к нему обращались. Облик, поведение, манера держаться, одежда свидетельствовали, что родом он сельский и вопреки долгому городскому житью (оно, известно, нивелирует и обезличивает немало) остался сыном народа – народа крестьянского, земледельческого, с коего, как из зерна-проклюньша и прорезалась, и сил набиралась великая Русь.

Больше всего зрителей толпилось у картины «Память народная». Простая по теме, она, приковывала внимание главным образом тем, что стояло за внешней ее образностью, тем трудно объяснимым, что составляет сокровенную суть любого талантливого произведения. При первом же взгляде подумалось – это мог написать только русский художник, с русским видением мира, по-русски мыслящий и чувствовавший.

Она – и о победившей жизни, и о скорби народной. Зритель как бы сам «входит» в погожий весенний день, сам стоит под высокими, еще без листьев березами, за ними – синий разлив поднятой половодьем реки, а вокруг – могилы, могилы. Одни с простенькими жестяными обелисками, увенчанными пятиконечными звездами – здесь лежат воины Великой отечественной, другие – с крестами, там покоятся отцы, матери, деды и прадеды этих воинов. Связь времен, связь поколений – лучше не выразишь. Картина многоцветна, но выделяются, преобладают в ней белые и черные тона. Собравшиеся на кладбище молодые женщины – в белых платках, старые – в черных. Это скорбь рядом с надеждой. Здесь все русское – русский пейзаж, русские люди, «деревенские», еще не разъединенные городским бытием. Вот как они тесно сидят, у родных могил, клоня в тихой беседе головы друг к другу, утешая друг друга. И много на этом сельском кладбище женщин, и очень мало мужчин. И это опять-таки суровая правда: именно деревня понесла в годы войны самые большие людские потери, в основном «мужик-колхозник» воевал на фронте и отдавал жизнь за родную землю, за то, чтобы жили на ней после него невесты и жены, сестры и матери...

Да, это печальная картина, но печаль ее светла: неистребима жизнь на этой благодатной весенней земле, говорит художник, вечен народ, корни которого уходят в глубь этих священных могил, этих полей и пашен. И великолепная деталь, смысловой центр полотна – фигура молодой женщины с ребенком на руках. Она грустна и задумчива, русская Богоматерь со старинной иконы, воплощение жертвенной судьбы русской женщины.

Это тонкое искусство – соединить в гармоничное целое печаль и радость, жизнь и небытие, «черное» и «белое». Картина «Радоница» (и так можно назвать её) – свидетельство, что Шурпин владел этим искусством. Со времени этой персональной выставки минуло много лет, давно уже нет в живых самого художника, но картина осталась как нетленная частица его души и сердца, она по-прежнему глубоко трогает полнотой веры, надежды, любви, выраженных в красках и линиях.

Живое чувство движущегося времени свойственно многим работам Шурпина. Вместе взятые, они – художественная летопись событий, бывших «узловыми» в жизни народа. Так, тематическое полотно «Год 19-й» – о Гражданской войне, «Звеньевая» – о коллективизации села, «Возрождение» – уже само название говорит о послевоенных годах.

Живую реку народного бытия художник отражает в судьбах людских, в конкретных

образах. И здесь надо отметить и подчеркнуть важную особенность – большая часть тематических и портретных работ художник посвятил женщине. Запоминается «Портрет матери» – большое полотно, выполненное в традициях старорусской иконописи. В центре – пожилая женщина с устало сложенными на коленях руками, а по бокам, снизу и сверху, обрамляющие центральный образ клейма – картинки, в которых отображен жизненный путь Матери. Вот она, молодая, сидит за прялкой, вот нянчит первенца, вот у школьной доски на курсах ликбеза выводит еще неуверенной рукой, наверное, что-нибудь вроде «Рабы не мы, мы не рабы». Далее, она с серпом в поле, а вот молится за возвращение с войны родных и близких, вот светло плачет в незабываемый день Победы... Типичный в советское время путь женщины-крестьянки. Это ей низко кланяется художник, это к ней обращены слова восхищения и благодарности, начертанные на картине: «Славлю терпенье твое исполинское, бедное сердце твое материнское...»

Перед тем как писать эту статью, я полистал каталог, изданный в 1966 году в Москве к выставке «произведений Заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата государственной премии Федора Саввича Шурпина». За ранней «женской» работой «Краснознаменка» следовали красочной чередой «В красном сарафане», «Женский портрет. Осенью», «В розовом», «Сказительница А.В. Морозова», «Женский портрет», «И.Н. Струкова», «Пастушка», «Портрет девушки», «У колыбели», «Девочка в красном платке», «Звеньевая», «У материнской груди», «Девушки с васильками», «Учительница». В каталоге четырежды значились «портреты матери», холсты с одним и тем же названием – «Материнство», «Портреты жены», а также, уже единичные, – «У материнской груди», «У колыбели»...

И еще я подивился трудолюбию художника. На той, московской, выставке было представлено без малого четыреста (!) его работ. Это ж сколько надо было постоять у холста, у мольберта, сколько сил физических и духовных потратить, чтобы создать этот мир сюжетов, образов, красок!

Творчество Шурпина многообразно. Другая его важная тема – труд крестьянина на земле отцов и дедов. Об этом картины «Хлеб», «Крестьянский сын», «Золотой урожай», «На колхозных полях». Не как сторонний наблюдатель, а как свой среди своих, рисует художник образы хлебопашцев, выявляя в них, может быть, и свои собственные черты – трудолюбие, упорство и терпение, слитность с любимым делом, чувство собственного достоинства.

Как известно, Федор Саввич был уроженцем «ершичско-шумячских» мест. И большинство пейзажей на его картинах, быт, люди – «здешние». И последние годы он провел здесь, неподалеку от Шумяч, в деревне Рудне, где над рекой Ипутью стоял его дом. Каким был художник в ту пору? Ответ – в автопортрете «На родине». Художник изобразил себя в мастерской, за работой, с кистью в руке. Он в русской вышиваной рубахе, за окном – русские поля, перелески...

В 1969 году, незадолго до кончины, Федор Саввич подарил землякам пятьдесят своих работ, а в следующем году в Шумячах открылась картинная галерея, где они были выставлены.

— А много ль у вас посетителей? – спросил я как-то у сотрудников галереи. И тут же подумал про себя: «Откуда много в небольшом поселке, где не наберется и пяти тысяч жителей?». А в ответ услышал – на отсутствие посетителей, мол, не жалуемся. Ежегодно галерею посещало около трех тысяч человек. Это были не только жители поселка, но и приезжие из Смоленска, Москвы, Ленинграда. Шурпинские картины посмотреть приезжали!

Люди тогда тянулись к искусству. А в такой глубинке, как Шумячи, художественный

музей играл особо важную роль. Роль воспитателя красотой. Об этом была одна из записей в книге отзывов: «После посещения галереи еще сильнее любишь свою Родину, ее людей и природу».

После смерти Художника я часто приезжал в Шумячи, то по делам службы, а то и просто так – повидаться с полюбившимся мне уголком Смоленщины. И всегда заходил в шурпинскую галерею. Размещалась она в старой церкви, с давно покинутым кладбищем у ее стен, на коем еще видны были бугорки безымянных, заросших травой забвения могил. А высоко в небе над кладбищем ветер качал зеленые главы лип – свидетельниц, судя то росту, тех давних похорон, с заупокойными молитвами церковных батюшек... Очень трогательное в своей простоте и смиренности было место. И никто не считал кощунством, что здесь нашли приют картины художника-земляка.

В галерею я норовил приходить, когда в ней было малоллюдно, а то и вовсе никого не было. И наслаждаясь тишиной, одиночеством, не торопясь, «вникая», ходил от картины к картине. И не переставал удивляться шурпинскому таланту передавать в самых разнообразных по жанру и сюжетам полотнам дух народной жизни в ее русском и, не греша много против истины, – православном облики.

В нынешней «демократической» России художника Федора Саввича Шурпина не жалуют. Во-первых, он русский, во-вторых – о ужас! нет ему прощения! – воспел тирана Сталина. Да, вскоре после войны написал Шурпин картину «Утро нашей Родины», где создатель мощи великого государства, отец Победы, был поставлен в центр солнечного, жизнеутверждающего пейзажа, олицетворявшего светлые надежды народа, в жесточайшей из войн сокрушившего силы вселенской тьмы. Этого полотна было достаточно, чтобы оплевать и унижить художника, объявить его «певцом тоталитаризма», «лакировщиком проклятого прошлого»...

К чести Шурпина, он не отрекся от «сталинской» своей картины. Вот что он говорил, по свидетельству журналиста А.А. Стукалова, незадолго до смерти: «Каждая эпоха рождает, своих героев... я любил Сталина – это великий человек... Картина сейчас в запаснике в знаменитой Третьяковской галерее. Время еще придет, и она займет свое место... И беда нашего народа в том, что после смерти Сталина у руля нашей страны не оказалось настоящего кормчего».

Недавно я позвонил в Смоленский государственный музей-заповедник, чтобы узнать, что стало с шурпинской галереей в злосчастные годы разрушительных «реформ». Ее как таковой теперь нет. Она вошла отдельной экспозицией в Шумячский художественно-краеведческий музей.

И лучшая, на мой взгляд, картина Шурпина – «Память народная» живет и здравствует, по-прежнему радуется посетителей.

Узнав об этом, я успокоился. Как говорится, и на этом спасибо. Остается ждать, когда и «Утро нашей Родины», как и подобает и утру, и родине, наконец-то увидит свет дневной, то есть будучи вынутой из запасников, «займет свое место» в залах.

А еще я подумал вот о чем. Сейчас в художественных музеях «старину» теснит, отодвигает, бедную, в углы подальше, развязная и наглая, почувствовавшая себя полновластной хозяйкой «новизна» – искусство без образа, бесчувственное, мертвохолодное. Да и вообще, может ли оно называться искусством, тем более – изобразительным?

Традиционное изобразительное искусство, представителем коего был Федор Саввич Шурпин, сочетает реализм с высокой духовностью. Крепко стоящее на земле, оно устремлено к небу, питается народным мироощущением, народной нравственностью,

верой народа русского в добро, правду, справедливость. И в сопоставлении с любым нынешним «модерном» и «пост...», любым «авангардом» смотрится зрелым мужем богатырского сложения и здоровья перед тщедушным и хворым подростком-недорослем.

Алфимов Е. Память Ф. С. Шурпин, художник // Там, где корни / Е. Алфимов. – Смоленск, 2007. – С. 401–404.